

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 28–36, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 28:94 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-28-36

Между российской правовой системой и нормами шариата: судьба закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман»

Гульназ Булатовна Азаматова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9364-5005. E-mail: gulnaz.azamatova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Азаматова Г. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается один из аспектов государственно-конфессиональных отношений во второй четверти XIX в., связанных с правовым регулированием сроков захоронения умерших, что затрагивало правила похорон у мусульман. *Цель* исследования — проанализировать случай распространения государственного и полицейского права на поле действия религиозных канонов российских мусульман. *Материалы и методы.* Документы делопроизводства оренбургского муфтията уточняют историографический тезис о противоречивости закона и проливают свет на его социальные последствия. Методология исследования основана на подходах новой имперской истории и социокультурном анализе российского общества как «большого общества». Методами исследования были сравнительно-исторический, источниковедческий, текстологический и психоисторический. *Результаты.* При подготовке и реализации закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман» был использован оренбургский муфтият. На него возлагалось объявление закона и административный контроль над приходским духовенством. Активное участие в координации действий по соблюдению нового порядка похорон принимала военная администрация. Реактивная политика властей в отношении мулл и населения башкирских кантонов создала напряжение вокруг религиозных прав мусульман. Попытка диалога башкир с властью через прошение Николаю I возымела обратный эффект и усилила поляризацию общества и правительства. *Выводы.* Законодательная новация по унификации сроков погребения на территориях с мусульманским населением изначально носила дискуссионный характер. Ближе к пониманию региональных задач управления были чиновники центральных ведомств, допускавшие исключение мусульман из закона. Оренбургский муфтий имел ограниченные представления о политических планах по унификации погребальных традиций и главной целью считал бюрократическое согласование возникающих вопросов. Автором установлена связь между попытками изменения погребальных канонов мусульман и религиозной повесткой восстания 1835 г.

в Приуралье. Государственное нормотворчество оказалось неэффективным в зоне действия религиозных канонов.

Ключевые слова: российские мусульмане, оренбургский муфтият, муфтий Габдессалам Габдрахимов, Оренбургская губерния, шариат, восстание 1835 г.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Азаматова Г. Б. Между российской правовой системой и нормами шариата: судьба закона 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман» // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 28–36. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-28-36

Between Russia's Legal System and Sharia Norms: The Fate of the Law of 13 May 1830 On Prohibition of Any Deviations for Mohammedans from General Burial Regulations

Gulnaz B. Azamatova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-9364-5005. E-mail: gulnaz.azamatova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Azamatova G. B., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with an aspect of religious policy of the Russian Empire in the second quarter of the nineteenth century that concerned the legal regulation of the terms of burial of the deceased, which affected the rules of burial for Muslims. It *aims* to analyze the case of state and police law interfering with the religious canons of Russian Muslims. *Materials and methods.* The office records of the Orenburg Muftiate help clarify the historiographical thesis on the controversy of the 1830 law and shed light on its social consequences. The research is based on the methodological approaches of the new imperial history and the socio-cultural analysis of Russian society as a “big society”. The research methods include comparative historical, source study, textual and psycho historical. *Results.* While preparing and implementing the law of 13 May 1830, “*O neotstuplenii ot obshchikh pravil pri pogrebenii musulman*” (On non-departure from the general rules for the burial of Muslims), the authorities used the Orenburg Muftiate, entrusted with the announcement of the law and administrative control over the parish clergy. The military administration took an active part in coordinating actions to comply with the new funeral order. The reactive policy of the authorities towards the mullahs and the population of the Bashkir cantons created tension around the religious issues. A petition to Nicholas I, attempting at a dialogue between Bashkirs and the authorities, had the opposite effect and led to increased polarization of the society and the government. *Results.* The legislative innovation on the unification of the terms of burial, including the territories with a Muslim population, was controversial from its very beginning. The officials in the center had a clearer understanding of the regional tasks of the administration when ready to admit that the Muslims may be excluded from the law. The Orenburg Mufti was somewhat unclear about the political plans to unify burial traditions and saw his principal goal in a diplomatic settlement of emerging bureaucratic issues. According to the present author, there is a connection between attempts to change the burial canons of Muslims and the religious agenda of the 1835 rebellion in the Urals. The state rulemaking attempt turned out to be ineffective in the realm of religious canons.

Keywords: Russian Muslims, Orenburg Muftiyate, Mufti Gabdesalam Gabdrahimov, Orenburg Province, Shariah, unrest in 1834–1835

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А17-117040350082-3 ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’.

For citation: Azamatova G. B. Between Russia's Legal System and Sharia Norms: The Fate of the Law of 13 May 1830 On Prohibition of Any Deviations for Mohammedans from General Burial Regulations. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 28–36. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-28-36

Введение

Религиозная жизнь российских мусульман была предметом государственного нормативно-правового регулирования. Формирование религиозных органов управления (Духовных собраний или муфтиятов), контроль над духовенством и регулирование правоприменительной практики отдельных норм шариата и другие вопросы были связаны с имперским законодательством. Оно отвечало потребностям социокультурной унификации российского общества, которая вместе с тем имела и определенные границы. Каждый государственный закон в той или иной мере обозначал степень проницаемости этих границ.

Практическое применение законов, их социальные последствия, временные и пространственные рамки распространения, логическая завершенность и др. нуждаются в подробном изучении. Вертикальные и горизонтальные связи между правительственными структурами и мусульманской частью населения помогают прояснить условия успехов и провалов в ходе формирования российского общества как большого общества, состоящего из разнородных в социокультурном плане частей.

В данной статье изучается подготовка и непосредственное проведение в жизнь одного из противоречивых законов 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении мусульман». Объектом исследования выступает процесс взаимодействия между органами центральной власти, оренбургским муфтием и местным населением в ходе его реализации. Цель статьи — проанализировать случай распространения государственного и полицейского права на поле действия религиозных канонов российских мусульман и его практические результаты.

Материалы и методы

Материалами для данного исследования стали прежде всего документы официального делопроизводства Оренбургского

магометанского духовного собрания из Национального архива Республики Башкортостан (далее — НА РБ). В архивном деле под названием «Дело о порядке погребения мусульман после их смерти» хранятся документы, датированные промежутком с 16 июля 1829 г. по 22 апреля 1835 г. Они включают переписку муфтията с Главным управлением Духовных дел иностранных исповеданий, канцелярией военного губернатора Оренбургской губернии, Азиатской типографией в Оренбурге, начальником 5-го башкирского кантона, земским судом Челябинского уезда, а также органами штаба Отдельного Оренбургского корпуса, выписки из журналов Духовного собрания, а также фетву оренбургского муфтия. Другая группа источников исследования — законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (далее — ПСЗРИ).

Вспомогательное значение имел опубликованный в издании Оренбургской ученой архивной комиссии русский перевод фетвы муфтия 1835 г. [Шукшинцев 1903: 97–107].

Нами использованы источниковедческий, текстологический, сравнительно-исторический и психоисторический методы исследования. Государственно-конфессиональные отношения изучались с применением подходов новой имперской истории. Внутренняя политика правительства рассматривается как вариативная с участием региональных элит. Политика в отношении своих подданных мусульманского вероисповедания анализируется как многослойная с одной стороны и экспериментальная — с другой.

Социокультурный анализ развития России как большого общества объясняет наличие в ее структуре разных по цивилизационным признакам локальных сообществ, которые при любых формах объединения сохраняют определенный набор культурных отличий.

Законодательная новация и ее судьба

Исследовательское внимание к закону 13 мая 1830 г. было обозначено востоковедом Д. Ю. Араповым в его документальном сборнике «Ислам в Российской империи» [Ислам 2001: 82–85]. Ученый охарактеризовал религиозную политику второй четверти XIX в. как непоследовательную, отнеся упомянутый закон к «недалеким и просто варварским» [Ислам 2001: 22]. Согласно его предположению, местная администрация «постаралась, насколько это было возможно, спустить его, что называется, „на тормозах“» [Ислам 2001: 22].

В ранее изданной монографии Д. Д. Азаматова об истории Оренбургского магометанского духовного собрания представлена общая картина реализации упомянутого закона. Автор, опираясь на материалы архивного дела, показал, как муфтият поддерживал решения правительства, противоречащие нормам шариата, и пошел на конфронтацию с мусульманским духовенством [Азаматов 1999: 160–161].

Для комплексного изучения темы была важна историография социально-экономической истории. В трудах советских ученых по истории крестьянства и народных движений Приуралья во второй четверти XIX в. выделено как регион восстания государственных крестьян и населения башкирских кантонов. При этом обращает на себя внимание отмеченный всеми исследователями религиозный фактор восстания. Академик Н. М. Дружинин причиной участия мусульманского населения Пермской и Оренбургской губерний в волнениях государственных крестьян 1835 г. назвал страх крещения [Дружинин 1946: 234–239].

В диссертации башкирского историка С. Н. Нигматуллина «Восстание 1835 г. в Башкирии» анализируется участие в движении приходского духовенства из-за его недовольства рядом законов и мероприятий правительства [НА УФИЦ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 89]. Сосредоточение исследовательского ракурса на классовой борьбе (и любой другой методологии) не затмевают ценность фактического материала работ. С этой точки зрения работа С. Н. Нигматуллина содержит любопытные тезисы для актуализации проблемы с точки зрения социокультурного анализа.

А. З. Асфандияров в монографии о кантонном управлении в Башкирии среди причин социальных протестов отметил упорные слухи «о переводе в христианскую веру» [Асфандияров 2005: 164]. Ученый указал также на «неприглядную роль» муфтия, который выступал от имени правительства [Асфандияров 2005: 164, 169–169].

Восстание 1835 г. было изучено Б. С. Давлетбаевым. Среди его причин он выделил религиозную составляющую восстания и в контексте предшествующей ему политики указал на закон 13 мая 1830 г. [Давлетбаев 1996: 417–423].

В целом основания энергичного обсуждения населением религиозной повестки оставались в стороне из-за сосредоточенности внимания на анализе непосредственного течения восстания, его подавления и анализе классовых причин.

История указа 13 мая 1830 г. брала начало с предписаний закона 9 февраля 1827 г. [ПСЗРИ, II 1830: 893]. Последний утверждал повсеместное исполнение именного указа 28 января 1704 г. князя Петра Алексеевича, объявленного боярином И. А. Музиным-Пушкиным «О погребении умерших в третий день и о подтверждении повивальным бабкам под [страхом] смертной казни, чтобы они младенцев, рожденными уродами, не убивали» [ПСЗРИ, I 1830: 1964].

Причем если первоначальный закон 28 января 1704 г. распространялся на православных «умерших, подлежащих к погребению у Святых церквей» [ПСЗРИ, I 1830: 1964], то его обновленная редакция 1827 г. возникла в результате полицейского расследования и имела целью предотвращение поспешного захоронения лиц, погибших при неустановленных обстоятельствах [ПСЗРИ, II 1830: 893].

В 1829 г. перед правительственным Сенатом возник вопрос о применении полицейской меры среди мусульманского населения. В направленном Казанским губернским правлением объяснении старшего ахуна¹ Казани Габдулсатара Сагитова говорилось о невозможности откладывать похороны мусульман на три дня после смерти. Делом занялось главное управление духовных дел иностранных исповеданий (да-

¹ Ахун — руководитель мусульманского духовенства.

лее — ДДИИ) под руководством статс-секретаря Д. В. Дашкова.

5 августа 1829 г. оно направило письмо оренбургскому муфтию с запросом о сроках захоронения мусульман и подтверждающей выписки «из магометанских законов», выразив надежду, что «высшее магометанское духовное начальство отвращением сих затруднений оказало бы свое содействие правительству» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 1–2].

14 ноября 1829 г. оренбургский муфтий Габдессалам Габдрахимов внес данный вопрос на рассмотрение Духовного собрания. Он старался примирить взаимоисключающие требования государственного и шариатского законов. Доводы казанских знатоков исламского вероучения из пяти пунктов, среди которых было три хадиса¹ и две выдержки из религиозных книг, признавались существенными, но неуместными для трактовки данного закона [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 8].

Муфтий Габдессалам Габдрахимов нашёл аналогию в мусульманском праве о понятии мнимой смерти, когда не следовало спешить с захоронением, и использовал данный пример в качестве аргумента для исполнения государственного закона. Дипломатичность и восточная многозначительность в ответе оренбургского муфтия была облачена в пространную витиеватую формулировку: «нет никакого уже препятствия в оставлении магометан без погребения далее дня их смерти, когда открыто, что от поспешности от погребения были погребаемы люди действительно не умершие, и в предупреждении сих несчастных случаев, угодно было правительству издать закон, объявленный высочайше утвержденным 9 февраля 1827 года мнением Государственного совета, чтоб погребение умерших откладывать до трех дней, и потому магометанское духовное собрание полагает распространение силы и действия сего закона между магометан, обитающих в России, подвергнуть благодати оногo» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 7об.].

В то же время Духовное собрание вынесло казанскому ахуну строгий выговор и запретило ему впредь давать сведения без

уведомления «высшего духовного начальства» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 6–8].

Главное управление ДДИИ все же сомневалось в возможности повсеместного применения закона 9 февраля 1827 г. К этому подталкивал, наряду с мнением казанского духовенства, однозначный ответ таврического муфтия о невозможности согласования указанного закона с религиозными канонами, подкрепленный новыми ссылками на источники шариата. Согласие же оренбургского муфтия и Духовного собрания с государственным законодательством расценивалось как «основанное более на покорности правительству» [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Возникли вопросы о евреях, которых также хоронили в день смерти. Еврейский комитет предложил не соблюдать религиозный обычай до того, как раввины подготовят население к нововведению. Словники центрального учреждения допускали исключение мусульман из зоны действия закона с уточнением, чтобы их приходское духовенство обращалось к полиции в случае сомнения в смерти, а их религиозные учреждения разъясняли бы «благотворные цели» закона [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Такой подход разделил и Комитет министров. Николай I лично интересовался обсуждением вопроса и, ознакомившись с его материалами, вынес однозначную резолюцию: «не отступать от общих правил, ибо и евреи под оные подведены будут» [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Данный подход вписывался в общую канву силовых, военных решений, значение которых преувеличивалось под впечатлением окружающей нестабильности — напряженных русско-польских отношений и кавказской войны. Формулировка царского решения закрепились и в новом законе от 13 мая 1830 г. [ПСЗРИ, II 1831: 3659].

Муфтият как выразитель государственной воли

Еще до выхода его в свет, 24 марта 1830 г., главноуправляющий ДДИИ статс-секретарь Д. Н. Блудов предписал оренбургскому муфтияту «всеми мерами внушать» населению благотворность целей закона 9 февраля 1827 г. [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 10–10об.].

¹ Хадис — изречение пророка Мухаммада и источник исламского права.

В ответ муфтият предписал ахунам и мухтасибам распространить закон среди приходского духовенства. Дальнейшие события показали, что ставка Духовного собрания на сугубо бюрократическое согласование всех вопросов оказалась по меньшей мере неадекватной. Вместе с тем позиция как муфтията, так и правительства становилась более понятной, если иметь в виду, что именно с конца 1820-х до середины 1830-х гг. в Уфе разворачивались грандиозные проекты по строительству Первой соборной мечети, здания Духовного управления, вакуфного дома для заседателей и приезжих мусульман [Азаматов 1999: 51], а мусульманам Уфы отводился участок под собственный некрополь [Ширгазин, Калимуллина 2008: 53–54]. Однако новый закон не поддавался решению в стиле договоренности.

Население не принимало нововведение в той области, которая касалась религиозной жизни. В прошении Николаю I башкиры 5-го кантона Челябинского уезда — духовенство, чиновники и рядовые, — наряду с отменой закона о погребении, назвали еще два болезненных для них указа: об обязательном знании русского языка духовенством и отправке малолеток в Казань для обучения медицине. Многочисленность и социальная неоднородность просителей, а также высказывание всех беспокоивших мусульман вопросов сигнализировало о создавшейся в обществе напряженности. Если следовать утверждению С. Н. Нигматуллина, то «такие же прошения подавали правительству муллы, чиновники и башкиры Верхнеуральского, Троицкого и других уездов» [НА УФИЦ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 89. Л. 391].

В 1833 г. царь передал прошение башкир Челябинского уезда на рассмотрение Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее — ДДДИИ). В центре разбора этого инцидента оказалось Духовное собрание. Это был почти единственный в истории учреждения случай, когда его подключили к реализации реактивной практической политики. Взаимодействие муфтията с населением сводилось к исполнению предписаний ДДДИИ и оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта В. А. Перовского.

Основной задачей муфтията стало, во-первых, широкое оповещение приходского духовенства о законе, предписывавшем погребение не ранее трех дней, во-вторых, требования его выполнения непосредственно от духовенства 5-го кантона. Духовное собрание располагало слабыми возможностями для реализации выдвинутых задач.

Проблемой стало печатание указа — фетвы на тюрки для рассылки духовенству. Рукописный вариант не годился для широкого круга, так как мог быть истолкован неверно в ходе распространения. В письмах ДДДИИ выражалась надежда на «рвение и всевозможное старание» Духовного собрания и подчеркивалась безрезультатность фетв муфтия [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 22об.].

Осенью 1834 г. Азиатская типография в Оренбурге не смогла выполнить заказ на печать 3 500 экземпляров указа из-за отсутствия нужного количества арабских литер. В итоге по распоряжению министра внутренних дел 1 000 экземпляров фетвы напечатали в Азиатской типографии в Казани. Правительство планировало разослать их по Оренбургской губернии, обозначив таким образом зону непосредственного распространения закона. В то время там насчитывалось 1 663 мечети и 2 883 духовных служителя [Азаматов 1999: 97].

Военная администрация на страже закона

Оренбургский военный губернатор руководил мероприятиями по привлечению к ответственности духовенства 5-го кантона Челябинского уезда и в том числе наиболее активного духовного лидера, указного муллы Утегана Исрафилова [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 19–24об.]. Процедура вызова в Духовное собрание башкирских имамов, подписавших прошение императору, потребовала подключения земского суда, который впервые столкнулся с такой задачей, и непосредственного содействия оренбургского военного губернатора.

5 июля 1834 г. имамы одиннадцати деревень, присланные с сопроводительным письмом начальника 5-го башкирского кантона Кучумова и поименованные в специальном регистре, находились в присутствии Духовного собрания. Они дали подписку

об ознакомлении с фетвой. Шестеро из них расписались в том, что не участвовали в подготовке и подписании прошения царю. Действительно, эти имамы, возраст которых был от 50 до 59 лет, заменяли мулл, трое из которых уже умерли, а еще трое были, видимо, очень стары — «находились в тяжелой болезни», как засвидетельствовали юртовые старшины [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 32]. Отдельно в Уфу для «приличных внушений» доставили и 73-летнего муллу Ибрафимова [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 23].

Правительственный сценарий силового давления на духовенство и передачи ему собственных функций не только не считался с объективным значением религии и роли религиозных лидеров в жизни населения, но и нагнетал социальное напряжение, связанное со страхом за свою веру, а также с опасениями христианизации. Распространение принятого у русских порядка похорон через три дня не могло не вызывать смысловых параллелей.

К тому же в ходе реализации закона произошла метаморфоза в интерпретации его смысла. Первоначальное условие его правоприменения среди мусульман — «при сомнении в наступившей смерти» в переписке и журналах муфтията позднее не упоминалось. На первый план выдвинулось требование его обязательного исполнения. В выписке из журнала Духовного собрания от 22 апреля 1835 г. фигурировала «фетва о прекращении между магометанами вредных предрассудков» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 62].

Реализацию закона от 13 мая 1830 г. среди местного населения контролировала военная администрация Башкиро-Мещеряковского войска и рядовые чиновники на местах. Ярким примером такого положения дел стал случай похорон в 1834 г. в 6-м башкирском кантоне Верхнеуральского уезда. Азанчей¹ Абдрашитов провел похороны ребенка в день его смерти вопреки запрету деревенского начальника Давлетбаева [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 57].

В результате конфликта Абдрашитов попал под следствие верхнеуральского земского суда. Военно-судебная часть штаба Отдельного оренбургского корпуса пере-

дала его на рассмотрение муфтията. Духовное собрание журнальным постановлением от 3 июля 1834 г. лишило Абдрашитова должности азанчея. Данный случай лег в основу нового указа Духовного собрания, адресованного приходским муллам, в котором говорилось: «чтобы они не только тела скоропостижно умерших магометан прежде освидетельствования лекаря и полиции, но и по произволу божью скончавшихся прежде трех лун [...] после их смерти предавать земле воздержались. В противном случае виновные не избегнут наказания, как и азанчей Абдрашитов» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Т. 1. Д. 303. Л. 59].

Народная реакция

Очевидно, что на протяжении не менее чем пяти лет — с 1829 по 1834 гг. — продолжались попытки внедрить закон по изменению погребальных традиций российских мусульман. Изученные документы показывают, что основной упор в деле контроля за исполнением закона 13 мая 1830 г. власти сделали на территорию Башкиро-Мещеряковских кантонов при непосредственном участии военной администрации. Ограниченность материалов исследования не позволяет судить подробно о практике правоприменения закона 13 мая 1830 г. Не до конца понятны и нюансы его исполнения приходским духовенством под давлением Духовного собрания. Хотя данное учреждение постоянно апеллировало к муллам как к «чиновникам духовного ведомства» и риторика его документов подчеркивала иерархию взаимоотношений, можно только догадываться, насколько муфтий и члены Духовного собрания были уверены в результативности и одновременно справедливости предпринимаемых мер.

В 1835 г. вопрос о соблюдении общих правил сроков захоронения затмили массовые выступления башкир, мишар и тептярей Оренбургского края. Поводом к народным выступлениям стало строительство хлебозапасных складов (магазинов), которые в селениях приняли за возводившиеся церкви [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 89. Л. 347–351; Дружинин 1946; Давлетбаев 1996; Асфандияров 2005].

Слухи о предстоящем крещении подтверждали муллы, а некоторые стали организаторами и идеологами вооруженных вы-

¹ Азанчей (синоним: муэдзин) — служитель мечети (см.: [Фаршхатов 2006: 286–292]).

ступлений. Материалы исследования дают основание утверждать о взаимосвязи между религиозной повесткой восстания 1835 г. и законом 13 мая 1830 г.

Для успокоения населения муфтий Габдессалам Габдрахимов, по просьбе оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, составил новую фетву [Шукшинцев 1903: 104–107].

Заключение

Закон 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении магометан» вступил в силу в первую очередь на территории Оренбургской губернии при содействии членов оренбургского Духовного собрания и военной системы управления среди башкир. В действительности ближе к пониманию региональных задач управления были чиновники центральных ведомств, допускавшие исключение мусульман из закона. Неопределенная позиция оренбург-

ского муфтия привела к игнорированию центральной властью объективных преград для нормотворчества — установленных шариатом канонов погребения умерших. Реакция населения на вмешательство в религиозную жизнь отразилась в обращении к императору башкир 13 деревень, что вызвало реактивную политику власти. Это усилило напряжение вокруг религиозного вопроса, которое дошло до массовых социальных протестов в 1835 г.

Вопрос о выполнении во многом искусственного требования изменить погребальный обряд мусульман перестал подниматься в связи с восстанием 1835 г. Попытки изменить погребальную традицию мусульман поколебали устойчивость большого общества и усилили раскол между властью и народом. Государственное нормотворчество оказалось неэффективным в зоне действия религиозных канонов.

Источники

- НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
НА УФИЦ РАН — Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Литература

- Азаматов 1999 — Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. 194 с.
Асфандияров 2005 — Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.) Уфа: Китап, 2005. 256 с.
Ислам 2001 — Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. ввводн. ст., комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.
Давлетбаев 1996 — Давлетбаев Б. С. Восстание 1835 года // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / отв. ред. Х. Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. С. 417–426.
Дружинин 1946 — Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1. 631 с.
ПСЗРИ, I 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. № 1964; Т. 4: 1700–1712. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 881 с.

Sources

- National Archive of the Republic of Bashkortostan.
Ufa Federal Research Centre (RAS), Scientific Archive.

- ПСЗРИ, II 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. № 893. Т. 3: 1872. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 1138 с.
ПСЗРИ, II 1831 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 5. Ч. 1: 1830. № 3659. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1831. 822 с.
Ширгазин, Калимуллина 2008 — Ширгазин А. Р., Калимуллина Д. Б. Уфа. Памятники исламской архитектуры. Уфа: Гилем, 2008. 120 с.
Шукшинцев 1903 — Шукшинцев И. С. Волнения в Башкирии в 1835 году // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XI. Оренбург: Губ. типо-литогр., 1903. С. 97–107.
Фархшатов 2006 — Фархшатов М. Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Т. I. М.: Вост. лит., 2006. С. 286–292.

References

- Arapov D. Yu. (comp.) Islam in Imperial Russia: Legislative Acts, Descriptions, Statistics. Moscow: Akademkniga, 2001. 367 p. (In Russ.)
- Asfandiyarov A. Z. Bashkiria Divided into Cantons, 1798–1865. Ufa: Kitap, 2005. 256 p. (In Russ.)
- Azamatov D. D. Orenburg Mohammedan Spiritual Association, Late 18th – 19th Centuries. Ufa: Gilem, 1999. 194 p. (In Russ.)
- Davletbaev B. S. Rebellion of 1835. In: Usmanov Kh. F. (ed.) History of Bashkortostan: From Earliest Times to the 1860s. Ufa: Kitap, 1996. Pp. 417–426. (In Russ.)
- Druzhinin N. M. State Peasants and Count Pavel D. Kiselyov's Reforms. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1945. Vol. 1. 631 p. (In Russ.)
- Farkhshatov M. N. Muslim clergy. In: Prozorov S. M. (comp., ed.) Islam in Provinces of Imperial Russia: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. Vol. I. Pp. 286–292. (In Russ.)
- Imperial Edict Proclaimed by Boyar Musin-Pushkin On Burial on the Third Day and Capital Punishment for Homicide of Deformed Newborns by Midwives. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. I. No. 1964. Vol. 4: 1700–1712. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1830. 881 p. (In Russ.)
- Imperially Approved Opinion of the State Council to Confirm That the Statute of 28 January 1708 On Ban on Burial within Three Days Be Duly Observed. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. II. No. 893. Vol. 3: 1872. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1830. 1138 p. (In Russ.)
- Senate Edict Prepared in Accordance with the Imperially Approved Decree of the Committee of Ministers On Prohibition of Any Deviations for Mohammedans from General Burial Regulations. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. II. Vol. 5. Part 1: 1830. No. 3659. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1831. 822 p. (In Russ.)
- Shirgazin A. R., Kalimullina D. B. Ufa. Monuments of Islamic Architecture. Ufa: Gilem, 2008. 120 p. (In Russ.)
- Shukshintsev I. S. 1835 disturbances in Bashkiria. In: Transactions of Orenburg Scholarly Archival Commission. Orenburg: Executive Office of Orenburg Governorate, 1903. Vol. XI. Pp. 97–107. (In Russ.)

